

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Čakavisch-deutsches Lexicon. T. I. Hrsg. von Hraste M. und Šimunović P. Unter Mitarbeit und Redaktion von Olesch R. 1979, S. LX + 354; T. II. Deutsches Wortregister. Hrsg. von Olesch R. und Šimunović P. 1981, S. 253; T. III. Čakavi-che Texte. Hrsg. von Šimunović P. und Olesch R. 1983, S. 620. — Köln — Wien: Böhlau Verlag.

Чакавские диалекты издавна привлекали внимание крупных представителей славянского языкознания своей четкой обособленностью, архаичностью, своими чертами, существенными для общеславянских сравнительно-исторических штудий, своей акцентологической и фонетической системой. Они интересны также историческими языковыми и поэтическими текстами-памятниками, относящимися к древнему глаголическому периоду, к началу славянского далматинского Ренессанса и к более позднему времени, текстами, представляющими собой яркие опыты создания литературного языка на нештокавской основе, т. е. не на той базе, на которой зиждется современный хорватско-сербский литературный язык. Чакавские диалекты в наше время используются как язык региональной чакавской литературы, весьма самобытной и значительной по своим художественным, преимущественно поэтическим, качествам и достижениям. Им всецело посвящен научно-филологический журнал «Čakavska rič» (Чакавское слово), выходящий в Сплите с 1971 г.

Чакавскую народную речь изучали И. А. Бодуэн де Куртене и А. Беллч, Л. П. Якубинский и М. Малецкий, а в последнее время М. Храсте, Й. Хамм, П. Шимунович, Б. Финка, Б. Юришич и др. По чакавской лексике, однако, написано не более двух-трех десятков работ, включая в это число и общедialek-тологические описания, и небольшие списки слов, из коих только один труд Б. Юришича был отдельным словарем [см. 1]. Поэтому появление трехтомного фундаментального «Чакавско-немецкого словаря» (авторы первого тома — М. Храсте и П. Шимунович, редактор Р. Олеш; второй и третий тома созданы Р. Олешом и П. Шимуновичем) — большое событие в славистической научной жизни. Имена авторов известны нам по целому ряду крупных работ в области славянской диалектной лексики, ономастики и истории языка. Естественно, что читатели словаря ожидали от составителей академической точности подачи материала, хорошей обработки значений слов, полноты грамматических помет и форм, тщательной акцентовки в толкуемых словах, в их формах и при-

мерах, точной паспортизации и указания места записи и т. п., и они не обманулись в своих ожиданиях — все это присутствует в словаре. Но его составители и редактор поплы в поисках новых возможностей дальше и предложили, на наш взгляд, очень интересную форму лексикографической обработки и подачи дополнительного материала. Они сопроводили первый том, включающий в себя около 20 тыс. слов (707 с. словарного текста), вторым томом (253 с.), содержащим немецкий словарный регистр, и третьим томом (620 с.), в котором помещены тексты различного содержания, с различных территорий и различного времени полевой записи или написания. Три книги создают единое целое, единый комплексный источник для дальнейших исследований разного профиля и разной направленности — акцентологических, фонетических, морфологических, синтаксических и, конечно, лексикологических и этимологических.

Ценность чакавского акцентологического материала хорошо известна. При этом подача его довольно сложна из-за изменения в парадигме не только места, но и тона ударения. Поэтому составители дают в словарной статье помимо исходной формы номинатива у существительных и инфинитива у глаголов еще формы генитива ед. числа и презенса 1-го лица, как это можно видеть из статей *jagla* «игла» и *janot* «ехать верхом»: *jagića, jaglê f lit igla* 1. «(Näh-Strick, Injektins-) Nadel» *Prez jaglê ne môre se šit* (B). 2. «Längenmaß» *Žojmî mi dvî jagle kćnca* (D). J 69, S, V → jōgla;

jāhot, jāsem ipf vn lit jahati, jašēm «reiten» *U nōs jasu na mûlu al na tovrû* (B). J 78.

Недостающая в заглавном слове и в последующих за ней формах информация об акценте восполняется отчасти формами из иллюстративных примеров (*jagla, jaglê, dvî jagle*). Эти же примеры служат важным источником, отражающим морфологосинтаксические и чисто синтаксические явления, вроде употребления кратких форм прилагательного в составе сказуемого (*Nisōn vrovō da je ti mōli t ko glûp* «Я не верил, что этот малый так глуп»), предлога *za* с инфинитивом в функции союза цели «что-

бы (*Dôj šaku prôdnute za užgât ogônj* В «Дай пук хвороста, чтобы разжечь огонь») и т. д. и т. п. Но наиболее ценным собранием синтаксических примеров оказываются, безусловно, тексты, о которых подробнее скажем ниже. Пока же отметим, что почти каждая словарная статья снабжена литературным штокавским лексическим эквивалентом, как это видно из приведенных выше примеров, а также параллелями из упомянутого словаря Б. Юришича (обозначено буквой *J*) и других лексикографических источников или ссылками на них (их общее число — 12).

Немецкий регистр слов (составители Р. Олеш и П. Шимунович) — любопытное новшество в двуязычной и диалектной лексикографии, дающее возможность читателю, знающему немецкий язык, быстро находить по определенному значению чакавские слова-эквиваленты и в то же время устанавливать синонимические ряды слов. Например, в немецком регистре слово *schreien* «орать, кричать» подано следующим образом: *schreien* 138, 270, 339 (360), 457 (459), 626, 642, 1064, 1078, 1257, 1323 (1324), 1339, 1381²; *nom. varb.* 139, 459; *aus vollem Halse* — 1323; *um die Wette* — 593; *viel* — 1049; *vor Wut* — *und auf den Boden stampfen* — 324; *wie ein Kuckuch* — 469;

На указанных страницах со значением «schreien» приводятся соответственно следующие глаголы, отглагольные существительные и фразеологизмы: *derât se, hlipot, izburinat se, izrevât se, kredat, narevât se, revât, rovat, trîskot, vikât, vřîskot, zavikât, derônje, křik*, ◇ *vikât na vâz glâs, nadvikat, razvikât se, istrepot se, kûkot*.

В чакавских говорах имеются древние и редкие соответствия с русской лексикой, которые не типичны для штокавского типа хорватско-сербского языка. Например, *rubit* 1: «шкурить, чистить, снимать кору, кожуру (с сосны, яблок и т. п.)»; 2. «окаляля подрубать»; *štrukût* «выдавить, выдавливать»; *štroknut* «уколоть»; *zibât* «колыхать, качать», *zibât se* «колыхаться, качаться»; *stinut* «стынуть (о погах и т. п.)». В числе синонимов к глаголу «орать, кричать» есть и чакав. *istrepot se* от **trepot se* (ср. русск. глагол речи *тrepаться*), сопровождаемый живой иллюстрацией: *Zenâ se je na mene is'trepola jer sen pogledo jednû drûgu žênsku* (В)

«Жена на меня накричала, потому что я посмотрел на другую женщину». Форма и значение чакавского глагола свидетельствуют о вероятной древности русского глагола *тrepаться*.

Особый интерес представляет третий том, содержащий хорошо собранные или подобранные и изданные тексты. Эти тексты охватывают более широкую языковую территорию, чем та, на которой был собран материал для первого и второго томов, т. е. для словаря и указателя. Записанные в поле и переданные фонетической транскрипцией тексты передают языковые особенности чакавских даматинско-икавских говоров (острова Брач, Хвар, Вис, Корчула и

юго-западная часть п.-ва Пелешац, Вргада, Шалта, гор. Сплит, острова у гор. Шибеника, Корнаты), далматинско-екавских (остров Ластово), чакавских екавско-икавских говоров (район гор. Задар, Хорватское Приморье, Кварнерские острова, материковые говоры Лики, Оточа, Брини, района гор. Озаль и зоны Жумберка), истрийских (Кастав и Истрия), градишчанских (бургенландских) говоров и, наконец, речи чакавских иммигрантов в Америке. Перечисленные тексты занимают большую половину третьего тома (с. 1—378); все они акцентированы и собраны либо недавно (собиратели П. Шимунович, М. Храсте, М. Бошкович-Стулли, Р. Видович, З. Вагнер, Л. Макс и др.), либо в 30-х годах нашего века и несколько раньше (записи М. Храсте, М. Московлевица, П. Тяна и др.). Очень ценно, что тексты разнообразны по жанру и по тематике. Среди них много фольклорных записей — сказок, легенд, народных анекдотов и описаний народного быта, трудовой деятельности. Целиком перепечатана и одна из ранних записей чакавской речи и фольклора с акцентовкой А. Белича, опубликованная в его статье «Заметки по чакавским говорам» [2].

Отдельные, пятый, раздел третьего тома занимают стихи и несколько прозаических произведений чакавских поэтов и писателей XX в. Это — небольшая, в основном акцентированная антология региональной чакавской литературы, представленная такими известными именами, как М. Франичевич, В. Назор, Д. Иванишевич, Ш. Вучетич Н. Бонифачич-Рожки и др. Она дает возможность установить соотношение чакавской диалектной устной и народно-поэтической речи, с одной стороны, и региональной «литературно-поэтической», с другой. Но так как чакавская региональная литература имеет свои глубины, многовековые корни, то составители третьего тома проф. П. Шимунович и проф. Р. Олеш включили в него несколько исторических текстов со словарем (с. 431—554): древнейший хорватский глаголический памятник 1100 г. — надпись на каменной плите из Башки, что на острове Крк (Bašćanska ploča), кириллические листки-выписки из юридических документов 1250 г. с острова Брача, доминиканский устав, писанный латиницей (Red i zakon) 1345 г. из гор. Задра, и довольно объемистую глаголическую межевую книгу (Istarski razvod) 1325 г. из Истрии, как и все другие исторические тексты, в латинской транслитерации.

Таким образом, третий том охватывает все чакавские говоры вплоть до переселенческих и иммиграционных, в то время как первый том и, соответственно, второй содержат материал, собранный на ограниченной территории, а именно на островах Брач, Хвар и Вис (52 населенных пункта), т. е. трех крупных островов, расположенных в Средней Далмации южнее гор. Сплита. Уместно вспомнить, что именно в этой зоне, на этих островах зародилась в XVI в. литература сла-

вянского Ренессанса на Адриатике, светская чакавская литература, давшая таких ярких представителей, как Марко Марулич (из Сплита), Ганибал Лулич, Петр Гекторович, Микша Пелегринович и Мартин Бенетович (с Хвара). Поэтому словарь и материалы, приложенные к нему, послужат незаменимым пособием для исследователей чакавского литературного языка XVI в. и для языка хорватских писателей раннего Ренессанса. Третий том содержит также богатую библиографию по чакавским диалектам и словарь к чакавским текстам.

Такая же весьма удачная, но более скромная и по объему, и по исполнению попытка сочетать областной словарь с диалектными текстами сделана авторами полесского Туровского словаря [3]. Белорусским ученым также принадлежит честь создания первой послевоенной диалектологической хрестоматии [4], за которой последовали фундаментальные чешская, украинская и новая белорусская хрестоматии [5—7]. У поляков вышло в свет несколько областных диалектных хрестоматий, но у южных славян таких изданий до сих пор не было. Чакавская хрестоматия, т. е. третий том рецензируемого словаря, — первое издание такого рода, однако оно по объему полнее всех упомянутых выше книг, к тому же содержит еще и исторический материал.

Авторитетная, завоевавшая международное признание серия «Славистических исследований» (*«Slavistische Forschungen»*), созданная и редактируемая проф. Рейнгольдом Олешом, известным исследователем полабских памятников, польских диалектов и славянских языков, пополнилась трехтомником, без которого будет трудно обходиться не только специалисту по южнославянским языкам, но и слависту вообще.

Толстой Н. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jurišić B.* Rječnik govora otoka Vrgade. Knj. I — II. Zagreb, 1966, 1971.
2. *Белич А.* Заметки по чакавским говорам. — ИОРЯС, 1909. Т. XIV, кн. 2.
3. *Крывіцкі А. А., Цыхун Г. А., Яшкін Я. Я.* Тураўскі слоўнік. Т. 1 — 3. А — О. Мінск, 1982—1984.
4. Хрестоматія на беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1962.
5. *Ceské nářeční texty.* Praha, 1976.
6. *Говори української мови. Збірник текстів.* Київ, 1977.
7. *Мацельская Е. С., Камароўскі Я. М.* Беларуская дыялекталогія. Хрэстаматія. Мінск, 1979.

Шадури Т. Н. *Общее языкознание.* — Тбилиси: Ганатлеба, 1983, 490 с.

Общее языкознание изучается во всех вузах союзных и автономных республик нашей страны. Этот факт вызывает необходимость создания вариантов учебников и учебных пособий с учетом родного языка учащихся. Такая работа ведется во всех республиках, и в частности — в Грузинской ССР [ср. 1, 2].

В рецензируемом учебном пособии Т. Н. Шадури освещаются программные вопросы данной учебной дисциплины. В книге, кроме того, «сообщаются некоторые сведения из истории изучения грузинского языка, делаются ссылки на исследования грузинских ученых, приводятся примеры из русского и грузинского языков, отдельные русско-грузинские параллели» (с. 3). Пособие состоит из трех частей: в первой излагается история языкознания, во второй говорится о внешней и внутренней структуре языка, в третьей части — освещаются методы лингвистических исследований.

Первая часть книги состоит из двух глав, первая из которых посвящена собственно истории языкознания, а вторая — характеристике основных направлений современного языкознания. Во второй главе, в частности, говорится о неограматизме (этим термином объединяются Московская, Казанская, Же-

невская и Парижская лингвистические школы), о школе «слов и вещей», об учении К. Фослера, о неогумбольдтианских концепциях в зарубежной лингвистике (Э. Сепир, Л. Вайсгербер, итальянская неолингвистика), о структурализме (Пражская и Копенгагенская школы, американская дескриптивная лингвистика). Завершается глава краткой характеристикой советского языкознания; среди крупнейших теоретиков общего языкознания, работавших в Грузии, автор называет имена: Г. С. Ахвледиани, А. Г. Шанидзе, А. С. Чикобава.

Вторая часть книги состоит из четырех глав. В первой главе «Социолингвистика. Вопросы социологии языка» (с. 162—187) автор рассматривает соотношение языка и общественно-экономических формаций, языковые контакты, соотношения языка, сознания и культуры, а также методы социолингвистики и языковое планирование. В небольшой второй главе говорится о психологии речи (психолингвистике), а в третьей — о знаковой природе языка. Четвертая глава — самая большая (с. 199—301); она посвящена внутренней структуре языка — основным единицам каждого уровня структуры языка: фонеме, морфеме, лексеме и синтаксеме (предложению). В рамках учения